

Притяжение тел

The background of the cover is a dark, textured blue. In the center, there is a circular, glowing blue energy field with concentric ripples. Two hands are shown: a human hand on the right and a pale, translucent, ethereal hand on the left. The human hand is reaching out and grasping the ethereal hand. The ethereal hand appears to be made of light or energy, with some internal structure visible. The overall mood is mysterious and spiritual.

Adi Riel

Adi Riel

Притяжение тел

«Автор»

2026

Riel A.

Притяжение тел / А. Riel — «Автор», 2026

Саня думал, что оставил это позади — изнанку сна, друга, которого не смог удержать, страх перед порогом, за который поклялся больше не заходить. Но в его жизнь возвращается Юна — а вместе с ней и то самое притяжение, странная, невозможная близость, которая существует только по ту сторону яви. Вдвоём они начинают вытаскивать из Изнанки чужие застрявшие души — людей, зависших между телом и чем-то куда большим, древним и не всегда равнодушным к тем, кто рядом.

© Riel A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Притяжения тел.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Adi Riel

Притяжение тел

Притяжения тел.

Это случилось через несколько лет после того, как не стало Лёши — того самого, кто когда-то первым показал Сане, что у сна есть изнанка, настоящая, с собственным весом и собственными законами. Тогда, вытаскивая его оттуда, Саня узнал многое: что тело никогда не перестает тянуть человека назад, даже когда сознание давно ушло слишком далеко; что есть те, кто застревает на границе — ещё живые, но с оборванной нитью обратно к себе, Юна называла их Шатунами; и что само это место не прощает, если войти в него без должного уважения.

С тех пор он не забыл ни одного из этих уроков. Но какое-то время предпочитал жить так, будто их не было.

* * *

После того как его не стало, Саня какое-то время вообще не ходил в Изнанку.

Не решал специально — просто перестал. Вернулся из Германии в Беларусь, без особого плана — здесь было легче объяснить себе, зачем встаёшь по утрам. Устроился на приличную работу — администратор, потом старший администратор. Всё шло ровно, предсказуемо — и почему-то не приносило облегчения, на которое он рассчитывал.

Бегал по утрам без прежнего чувства, что бег куда-то ведёт. Кастанеда стоял на полке корешком наружу — брал в руки, открывал наугад, закрывал: там, за страницей, было только то, что искать не хотелось, — собственная ночь у порога и лицо, произносящее «помню почему, не чувствую почему».

Он жил, как живут люди, которые ждут, что жизнь сама подскажет, зачем продолжать. Не подсказывала.

* * *

Про Юну он думал редко, но упрямо. Не как вспоминают о человеке, а как ощущают занозу — не всегда, но стабильно, в определённые моменты, когда что-то задевает.

Слышал краем уха — от кого-то, кто слышал от кого-то ещё, — что она так и не защитилась, что взяла академический, потом ещё один, что где-то подрабатывает то ли в клинике, то ли просто консультирует людей за деньги в чёрную, потому что дипломная психология давно перестала быть для неё главным инструментом. Она осталась в том же городе, где училась, — том же, куда вернулся и он, — но узнать об этом напрямую было неоткуда: слишком разные круги, слишком легко потерять друг друга даже на соседних улицах. Никто толком не знал подробностей. Слухи о ней были такие же расплывчатые, как её собственные слова три года назад: время здесь форму не держит.

Он представлял её то постаревшей, то нет, то замужем, то нет — и каждый раз ловил себя на том, что представляет не человека, а функцию, ту, что однажды показала ему, как искать точку входа. Это раздражало его больше, чем сама мысль о ней.

* * *

Юна о нём тоже думала — хотя признаваться себе в этом не любила.

Эти годы дались ей тяжелее, чем она бы рассказала кому-то в подробностях. Она уходила в Изнанку чаще, чем следовало, — не в поисках кого-то, а потому что там было проще, чем в жизни, где нужно было работать, платить за комнату, находить слова для людей, которые не понимали и половины того, что она видела.

Несколько раз замечала за собой то самое — притяжение к явной жизни, слабеющее так медленно, что не сразу пугаешься. Однажды провела там, по ощущениям, около суток подряд

— а вернувшись, обнаружила, что в яви прошло почти трое, и тело, оставленное без присмотра, было слабым, едва держащим сознание. Испугалась не Изнанки — того, с какой лёгкостью можно перестать возвращаться.

С тех пор держала себя строже: будильники, еда по расписанию, даже когда не хотелось. Одна, без того, кто сидел бы рядом и следил за дыханием.

Про то, что какой-то Саня ищет её контакты, она узнала за неделю до того, как он вышел на связь во сне. Раздумывала, отвечать ли. Не потому что не хотела его видеть — а потому что боялась того, что почувствует, если он окажется прежним. Или если не окажется.

Когда он появился той ночью в Изнанке, она удивилась не ему, а тому, с какой скоростью самой ей стало легче — будто часть её, давно уставшая держать равновесие в одиночку, наконец-то могла выдохнуть.

Согласие на встречу в кафе она дала не раздумывая. Но, идя туда, уже знала — почти наверняка знала — что получится неловко. Слишком много она забыла, как разговаривать в обычном мире голосом, а не тем, другим способом, который не нуждался в словах.

Она оказалась права. Но, в отличие от Сани, не расстроилась так сильно, как могла бы. Просто подумала: значит, ещё не время.

* * *

Решение вернуться в Изнанку далось не сразу и не как решение вообще — скорее как то, что накапливается месяцами и однажды просто случается само, без торжественного момента.

Он лежал ночью, не мог уснуть обычным сном, и вдруг понял, что перестал сопротивляться границе — та самая настороженность, что удерживала его столько времени, вдруг отпустила, как отпускает мышца, которую слишком долго держали в напряжении.

Переход дался труднее, чем он ожидал. В первую секунду, когда граница подалась, накрыло старое — то самое чувство, с каким он когда-то стоял здесь, трясущийся, отбиваясь от существа у порога. Что-то внутри сжалось, и на миг он чуть не отступил обратно — в тело, в темноту спальни, в безопасность. Но тут же, почти одновременно, пришло другое: не страх перед местом. Страх перед тем, что он снова здесь один, без того, ради кого когда-то научился сюда возвращаться. Это чувство было старше и глубже, и оно перевесило.

Он не искал никого конкретно. Просто плыл — так, как учился, намерением, а не движением, — и вспомнил вдруг ту тяжесть у порога, где нашёл когда-то Юну, и подумал о ней не как о цели, а мельком, вскользь — и оказался рядом с тем самым местом, будто мысль здесь работала не хуже направления.

Она была там же. Не в буквальном смысле — три года прошло, — но в том же роде места, узнаваемом по ощущению, как узнаётся знакомая улица даже в темноте.

Она сидела так же, немного в стороне, с тем же выражением человека, который давно привык не привлекать внимания.

Он почувствовал её раньше, чем увидел, — и она, кажется, тоже почувствовала его: обернулась ещё до того, как он приблизился, будто знала заранее.

Не было ни удивления, ни вопросов о том, где он пропадал — только тепло, которое не нуждалось в объяснении, узнавание без единого слова. Он сел рядом с ней, и молчание между ними было тем самым, что бывает у людей, которым нечего друг другу доказывать.

— Я скучал, — сказал он наконец, и слова прозвучали неуклюже рядом с тем, что уже было сказано без них.

Она улыбнулась — не губами даже, а чем-то более глубоким, что здесь читалось яснее любой мимики.

— Знаю, — сказала она просто.

Помолчали ещё.

— Давай встретимся, — сказал он. — Там. У себя.

Она посмотрела на него — без сомнения на этот раз, скорее с любопытством, смешанным с чем-то похожим на нежность.

— Давай, — сказала она.

* * *

Кафе на углу, три часа дня, суббота — он назначил место и время сам, и весь путь туда чувствовал странное, почти детское волнение, будто шёл не на встречу со знакомым человеком, а на экзамен, к которому не готовился.

Она вошла — и в первую секунду он не узнал её. Не потому что она изменилась внешне, хотя изменилась тоже — короче стриженная, в куртке не по погоде, — а потому что перед ним стоял кто-то другой, не та, с кем он час назад молчал в тепле, не обменявшись ни единым словом. Здесь у неё было обычное лицо. Настороженное, немного усталое, лицо человека, который пришёл на встречу с кем-то малознакомым и уже жалеет об этом.

— Привет, — сказала она, садясь напротив.

— Привет, — сказал он.

Дальше пошло тяжело. Он спросил про учёбу — она ответила коротко, без развития, что-то про академ и что не уверена, вернётся ли. Она спросила про работу — он сказал в двух словах, ничего интересного, обычная рутина. Между фразами повисали паузы, вязкие, всё разрастающиеся, и в какой-то момент он поймал себя на мысли, что старается вспомнить, зачем вообще позвал её — не в смысле цели, а в смысле того чувства, которое привело его сюда, и не мог его нащупать в этом свете, за этим столиком, глядя на этого малознакомого человека с усталым лицом.

Она тоже, кажется, ощущала то же самое — то и дело смотрела в окно, отвечала чуть невпопад, будто присутствовала здесь только частично.

— Ну, — сказала она примерно через полчаса, — было приятно.

— Взаимно, — сказал он, и оба знали, что это неправда, и оба почувствовали неловкость этой лжи острее, чем саму встречу.

Она ушла первой, коротко попрощавшись, не оборачиваясь. Он остался за столиком ещё на несколько минут, глядя в остывающий чай, и чувствовал себя обманутым — не ею, а каким-то законом этого мира, который позволял двоим быть настолько родными в одном месте и настолько чужими в другом, будто это были два разных вещества, которые отказывались смешиваться.

Он лёг спать рано, всё ещё раздражённый на себя, на неё, на то, как вышло, и говорил себе, что пробовать снова не станет.

Но уснул он быстро — и, засыпая, поймал себя на том, что уже ищет её, ещё до того, как сон окончательно взял верх.

* * *

Граница поддалась легче, чем он ожидал — будто тело само торопилось туда, где недавно было хорошо.

Она уже была там, и в этот раз он не удивился тому, как сразу всё встало на место — тепло, узнавание, то самое чувство, что здесь, а не там, за столиком с остывшим чаем, была настоящая встреча.

— Ты чувствовал то же самое? — спросил он, не уточняя. Она поняла.

— Да, — сказала она. — Там мы никакие. Здесь — вот это.

— Не понимаю, как это работает.

— Никто не понимает, — она пожала плечами, привычным движением человека, давно переставшего искать объяснения там, где их нет. — Может, дело в том, что там мы разговариваем ртом. А здесь — не приходится врать даже случайно.

Он рассмеялся — коротко, но искренне, впервые с той субботы.

Они пошли рядом — не сговариваясь о направлении, просто оба чувствовали, куда. Саня отметил про себя, что даже не пытается спросить, куда они идут: знание было общим, будто он не узнавал дорогу, а вспоминал её.

* * *

Человека они нашли не потому, что искали, — просто оказались рядом в тот момент, когда его застигло. Он был прижат к границе, ещё не Шатун, но близко — застревание, знакомое Сане по себе, только теперь чужое.

Юна держала его вниманием, ровным, не дающим потерять край. Саня нашёл нить и потянул — человек дёрнулся рефлекторно и через несколько минут ушёл в свою точку входа, не заметив их, не поняв, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.